

Одна нация, два языка?

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В УКРАИНЕ ПОСЛЕ ЕВРОМАЙДАНА

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 389
Сентябрь 2015

Володымыр Кулык
*Институт политических и этнонациональных исследований Национальной Академии Наук
Украины*

Одним из самых заметных последствий недавних событий в Украине является радикальное изменение украинской национальной идентичности. Гражданские активисты и члены различных элит регулярно декларируют свою возросшую украинскую самоидентификацию, гордость от принадлежности к гражданам Украины, привязанность к государственным символам, готовность защищать Украину и работать на ее благо. Большинство людей говорят о своем собственном опыте или опыте людей, которые их окружают, а некоторые обобщают эти индивидуальные изменения, делая вывод о возросшей консолидации украинской нации. Многие люди также упоминают о предполагаемой обратной стороне этой консолидации: отчуждении от России и даже враждебности по отношению к ней. Эти чувства направлены прежде всего на российское государство, но иногда также и на русский народ, который, кажется, в подавляющем большинстве поддерживают агрессивную и недемократическую политику Кремля.

Насколько мнения масс совпадают со взглядами активистов и элит? Сравнивая результаты двух общенациональных исследований, проведенных Киевским международным институтом социологии (КМИС) в феврале 2012 года и сентябре 2014 года, я анализирую изменения в общественном мнении за период, охватывающий Евромайдан и начало войны с Россией.¹ Кроме того, дискуссии в фокус-группах, проведенные КМИС в феврале-марте

¹ Проведение опроса 2014 года и фокус-групп 2015 года стало возможным благодаря финансовой поддержке Канадского института украинских исследований Альбертского университета (Канада).

2015 года в разных регионах страны, позволяют выявить нюансы предпочтений и обуславливающие их мотивации.

Я анализирую изменения в двух основных измерениях украинской национальной идентичности: ее приоритетности относительно других социальных идентификаций и ее содержании, то есть определенном понимании того, что же означает принадлежать к украинской нации. Мой анализ показывает, что национальная идентичность не только стала более приоритетной, но и значительно изменилась по содержанию, что проявилось прежде всего в возрастающем отторжении России и большем принятии украинского национализма. Вместе с тем, настроения масс отнюдь не являются однородными по всей стране, и главная разделительная линия в этих настроениях пролегает между Донбассом и остальной территорией Украины.

Один из аспектов идентичности, заслуживающий особого внимания, связан с ролью украинского и русского языков. Хотя многие русскоязычные граждане гордо отстаивают свою украинскую идентичность, связывая ее не с этническим происхождением или языковой практикой, а с гражданской принадлежностью, публичный дискурс демонстрирует весьма различные мнения о влиянии такого выбора идентичности на языковую практику общества. Поддерживая свободное использование русского языка, большинство украинцев в то же время хотят, чтобы государство содействовало развитию украинского, который они воспринимают не только как язык государственного аппарата, но также как национальный атрибут. Нежелание пост-евромайдановского руководства проводить политику активной поддержки украинского языка неминуемо вызовет неудовлетворенность большей части общества, которая считает титульный язык неотъемлемым элементом национальной идентичности.

Возросшая приоритетность национальной идентичности

Как в 2012, так и в 2014 годах опросы включали, среди прочих, вопрос о первичной территориальной идентификации. Респондентов спрашивали, кем они считают себя в первую очередь, давая на выбор варианты, отвечающие разным уровням от местного до глобального. Результаты обоих опросов показали, что национальная идентификация значительно превосходит местную, региональную, постсоветскую, европейскую и

Опрос 2012 года проведен при финансовой поддержке Научного общества имени Шевченко в США. Поскольку опрос 2014 года не включал аннексированный Россией Крым, крымские респонденты были исключены также из данных 2012 года, чтобы сделать результаты двух опросов сравнимыми.

глобальную (Рис. 1). В 2014 году 61 % респондентов в общенациональной выборке предпочли обозначить себя как граждан Украины, в то время как идентификацию со своим городом или деревней выбрали 21 %, а с регионом – 9 %. Другие опции набрали менее 5 %, но следует заметить, что глобальная идентификация оказалась не менее популярной, чем постсоветская. Более того, по сравнению с опросом 2012 года, в 2014 году национальная идентификация возросла на 10%, в то время как локальная снизилась на 7 %, а региональная практически не поменялась. Другими словами, разрыв между национальной идентификацией и другими вариантами значительно вырос.

Однако преимущество национальной идентичности не распределено равномерно по стране. Эта идентичность явно преобладает на западе и в центре, да и в большинстве восточных и южных регионов она более приоритетна, чем другие территориальные идентификации. В то же время на Донбассе она занимает лишь третье место после региональной и местной идентичностей.² На западе и в центре приоритетность национальной идентичности возросла за время между двумя опросами, но на Донбассе она значительно снизилась, зато там усилилась региональная идентификация. Это означает, что жители Донбасса все больше отделяют себя от остальной Украины, воспринимая себя скорее как «донбассцев», а не как украинцев. Впрочем, это и не удивительно в свете широкой поддержки в этом регионе сепаратистской активности, которую Россия провоцировала с весны 2014 года.

Дискуссии в фокус-группах помогают прояснить сложную динамику национальной идентичности. Поскольку она может относиться как к нации, так и к государству, то для людей, недовольных государственной политикой, вероятность формирования или по крайней мере декларирования такой идентификации меньше, чем для тех, кто поддерживает власть. Кроме того, чувство причастности к переменам после победы Евромайдана способствовало более сильной идентификации с украинской нацией, а противоположное чувство бессилия из-за последующего экономического кризиса обуславливало более низкую приоритетность национальной идентичности. Для некоторых сильная связь с Россией фактически предопределила негативное отношение к антироссийскому, как они считали, Евромайдану и политике сформированного после его победы правительства. Однако такое отношение было среди участников фокус-групп исключением.

² На Донбассе опрос проводился как на территориях, подконтрольных украинским властям, так и в районах, контролируемых сепаратистами.

Большее принятие украинского национализма

Наиболее очевидное, хоть и отнюдь не однозначное, изменение в украинской национальной идентичности касается отношения к России. Как показал опрос 2014 года, отношение к российскому государству радикально ухудшилось «за последний год», то есть по сравнению с тем, каким оно было перед Евромайданом и войной: 28 % заявили, что их отношение ухудшилось «намного», и еще 25 % – что «немного» (**Рис. 2**). Изменение в худшую сторону было обнаружено во всех регионах, кроме Донбасса, который и в этом аспекте сильно отличался от других восточных и южных регионов.

Однако, негативное отношение к российскому государству не означало отчуждения от российского народа. Респондентов попросили выразить своё мнение по поводу следующего утверждения: «Как бы ни вели себя представители власти, русский народ всегда будет близок украинскому». 24 % респондентов полностью согласились с этим утверждением, еще 40 % «скорее» согласились, и лишь 11 % респондентов более или менее решительно отвергли его. Даже на довольно националистически настроенном западе страны согласие с этим утверждением оказалось намного сильнее, чем несогласие.

Большинство участников фокус-групп подчеркивали, что их негативное отношение к государству не распространяется на народ. Хотя некоторые участники обвиняли россиян не только в том, что они боятся протестовать, но и в том, что они предпочитают верить официальной пропаганде. Ещё чаще звучало сомнение, что русские все ещё могут считаться «братским народом», как когда-то учила советская пропаганда. Некоторые участники высказывали мнение, что другие народы, например поляки, грузины или литовцы, сейчас стали более «братскими» украинцам, чем русские. Такая амбивалентность, кажется, отражает противоречие между укоренившимися представлениями и новыми тенденциями.

Другой важный аспект касается восприятия украинского национализма в прошлом и настоящем. Хотя сохраняющиеся советские стереотипы все еще сдерживают постсоветские изменения в этих восприятиях, нынешняя российская агрессия способствует большему принятию националистических идей. Например, отношение к Стэпану Бандэре, символу украинского националистического сопротивления советской и нацистской власти во время Второй мировой войны и после ее окончания, заметно улучшилось между опросами 2012 и 2014 годов, хотя до сих пор негативное отношение немного преобладает над позитивным (**Рис. 3**). В то же время, отношение к Иосифу Сталину, который окончательно уничтожил националистическое сопротивление в Украине (и других частях

Советского Союза) и воспринимается как антагонист Бандэры, еще более ухудшилось. Если в 2012 отношении к Бандэре было почти таким же негативным, как и к Сталину («отрицательно» или «скорее отрицательно» оценили первого 53 %, а второго – 56 %), то в 2014 оно было намного менее негативным (42 % против 62 %). Только на Донбассе восприятие Бандэры стало более негативным, чем двумя годами раньше, а восприятие Сталина стало, наоборот, менее негативным.

Хотя многие участники фокус-групп все еще считают, что национализм подразумевает национальную исключительность или даже нацизм, большинство убеждено, что национализм означает не более чем любовь к своему народу и желание, чтобы твоя страна была свободной. Многие указывали, что национализм играет важную положительную роль в других обществах, включая те, которые они считают примером для Украины. Кроме того, принятие украинского национализма было продемонстрировано в ответе на вопрос, кого можно считать украинскими национальными героями. Большинство участников фокус-групп называли личности, представленные в националистическом нарративе украинской истории, а не на те, которые превозносила советская пропаганда.

Признание русского языка вместе с первенством украинского

Отношение к языку, хотя также немного противоречивое, заметно отличалось от других изменений в содержании идентичности: в этом аспекте респонденты допускали сохранение ситуации, являющейся следствием политики советского режима. Возвращаясь к оценкам респондентами в опросе 2014 года перемен в их отношениях «за прошлый год», прежде всего обратим внимание на то, что к украинскому языку стали относиться значительно лучше. 35 % заявили о более или менее радикальном изменении к лучшему, и только 6 % почувствовали изменение к худшему (Рис. 2). Опять же, изменения на Донбассе оказались противоположными к переменам во всех других регионах. Следует заметить, что отношение к украинскому языку улучшилось приблизительно настолько же, как и к национальному гимну и флагу. Это показывает, что граждане Украины воспринимают государственный язык не только в юридическом смысле, как язык государственного аппарата, но и в символическом, как национальный атрибут.

Напротив, хотя русский язык стал восприниматься более негативно, особенно на преимущественно украиноязычном западе и центре страны, большинство респондентов не изменили своего мнения о нем. Подобным образом, в фокус-группах многие участники заявляли о большей приверженности к украинскому языку и более частом его

использовании из-за Евромайдана и последующей войны, однако никто не рассматривал это как причину изменить отношение к русскому языку, тем более, отказаться от его привычного использования в повседневной жизни (преимущественно или дополнительно к украинскому). Это означает, что для большинства людей усиление украинской идентичности не ведет к ухудшению отношения к русскому языку. Иначе говоря, использование русского языка и приверженность к нему не стали несовместимыми с осознанием себя украинцем, даже среди тех, кто сам в основном разговаривает на украинском.

Такое отношение показывает этнокультурную инклюзивность новой украинской идентичности. Важно, однако, что принятие людей, которые говорят на других языках, не означает признания равной легитимности самих языков; другими словами, большинство украинцев не считают свою нацию двуязычной. Русский уважают как язык большей части населения и признают привычным средством общения внутри страны и за ее пределами. В то же время, украинский язык ценят не только за его коммуникационную функцию, но также и за символическую роль национального языка. Соответственно, люди хотят, чтобы государство в первую очередь поддерживало именно украинский язык: в опросе 2014 года этот вариант поддержали 56 % респондентов. Лишь 5 % респондентов отдали предпочтение преимущественной поддержке русского языка, 17 % – содействию всем языкам в равной мере, и еще 14 % – варианту, когда в каждой части страны государство поддерживает тот язык, на котором там говорит большинство. Хотя всего 10 % опрошенных хотели исключить русский язык из всех сфер жизни общества, только 24 % высказались за предоставление ему государственного статуса наравне с украинским, в то время как 19 % предпочли, чтобы русский язык был официальным «в тех местностях, где большинство населения этого желает».

Следствия для государственной политики

Самым очевидным политическим эффектом продолжающейся консолидации национальной идентичности в Украине является существенно возросшее давление гражданского общества на власть с целью обеспечить проведение демократических реформ и отражение российской агрессии. Кроме устранения из властных структур соратников бывшего президента Виктора Януковича и уничтожения коррупции, это давление направлено также на укрепление армии, переориентацию внешней политики на

Запад и культивирование национальных (и националистических) традиций в образовании, масс-медиа и т. д.

Впрочем, в отношении языковой политики это давление ослабляется пониманием того, что этнокультурные требования имеют конфронтационный потенциал. Единственное однозначное требование приверженной идеям Евромайдана общественности заключается в том, чтобы украинский язык оставался единственным государственным. Это требование руководство страны собирается выполнить, вместе с гарантированием прав русскоязычных граждан. Новая конституция, которая сейчас находится в процессе принятия, скорее всего сохранит эксклюзивный статус для украинского языка по всей стране и в то же время позволит официальное использование русского в тех регионах, где этого желает значительная часть населения. Это навсегда сохранило бы законодательную конфигурацию, созданную спорным законом о языках 2012 года. В феврале 2014 года, сразу после побега Януковича, новая парламентская коалиция пыталась отменить этот закон, но с тех пор он был молчаливо принят как уравнивающий интересы двух главных языковых групп Украины.

Вместе в тем представленные здесь данные свидетельствуют, что хотя люди в основном поддерживают свободное использование русского языка, большинство граждан также хочет, чтобы государство способствовало развитию украинского. Преимущественно положительное отношение к украинскому языку дает властям возможность обеспечить его использование в государственном секторе и прибегнуть к мерам позитивной дискриминации для усиления его роли в рыночных практиках, где сегодня преобладает русский. Например, государственных служащих можно строго обязать использовать украинский язык в общении с обращающимися на нем гражданами, чего многие не делают до сих пор. Кроме того, государство может использовать налоговые льготы, квоты и другие средства, чтобы стимулировать производство и распространение украиноязычных книг, фильмов, песен и веб-ресурсов.

Хотя пришедшее к власти после Евромайдана руководство страны риторически поддерживает национальный язык, оно избегает принятия каких-либо мер, которые способствовали бы более активному использованию украинского языка, вероятнее всего, из-за страха оттолкнуть русскоязычных граждан. Эта близорукая политика усугубляет неблагоприятное положение украинского языка по сравнению с русским и тем самым провоцирует недовольство большей части общества, считающей такую ситуацию

неприемлемой для Украины, в которой победил Евромайдан и которая борется против неоимпериалистической России.

Рис. 1. Приоритетность национальной идентичности относительно других территориальных идентификаций в ответах на вопрос «Кем Вы считаете себя в первую очередь?» (февраль 2012 и сентябрь 2014, в процентах)

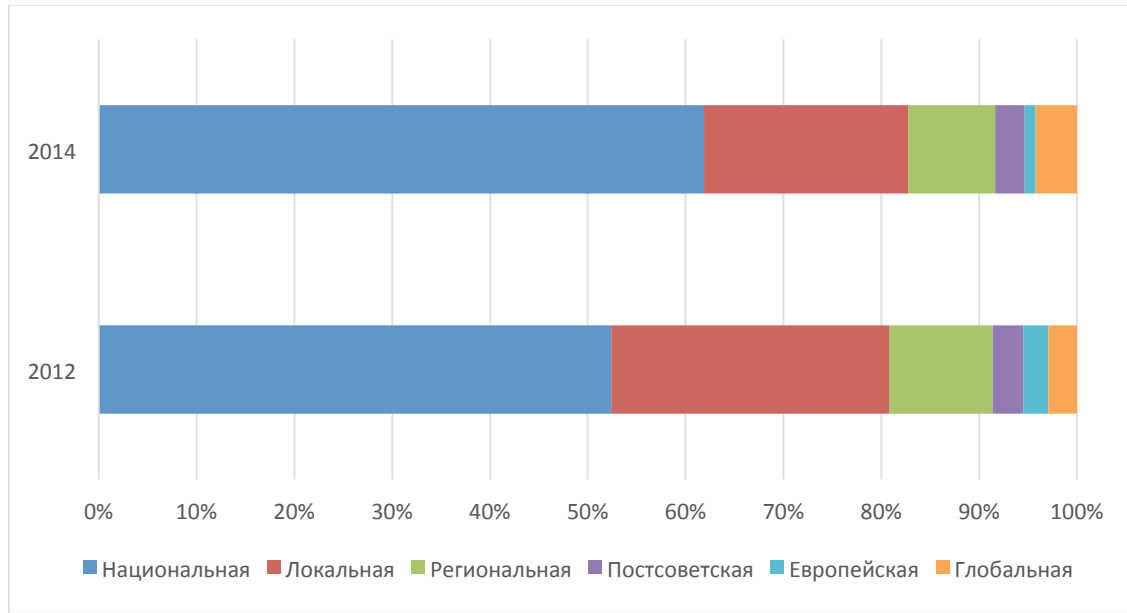

Рис. 2. Ответы на вопрос «Как изменилось за последний год Ваше отношение к...?» (сентябрь 2014, в процентах)

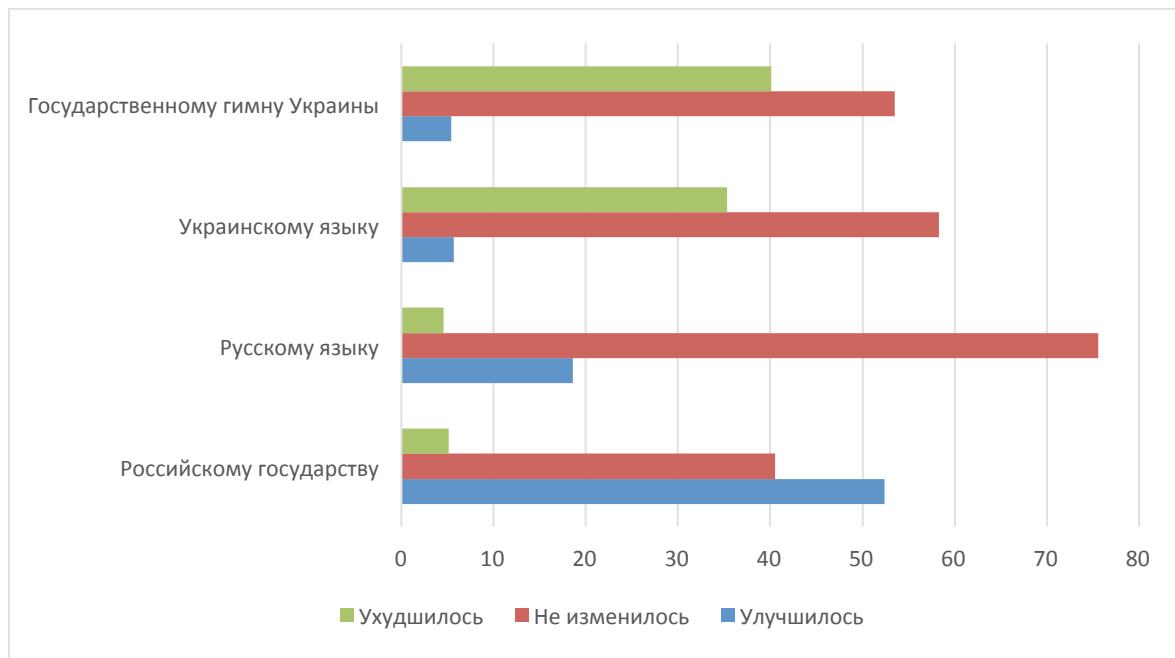
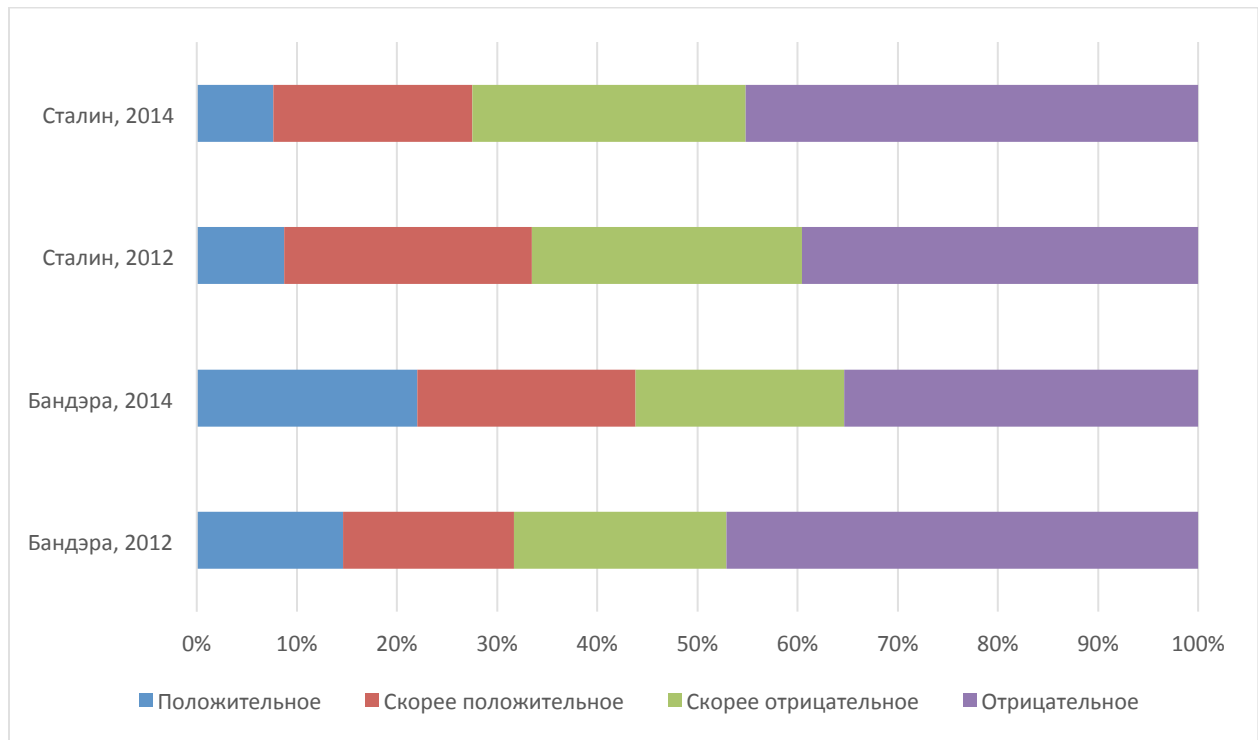

Рис. 3. Отношение к Бандэре и Сталину (февраль 2012 и сентябрь 2014, в процентах)

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org